

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

РУССКИЙ ЛЕЛЬ

К 100-летию Виктора Бокова

Деревня Язвицы за Сергиевым Посадом упоминается в писцовых книгах с 1510 года. Сколько же поколений тружеников и песельников сменилось на этой северной подмосковной земле, чтобы в 1914 году, сразу после начала Первой мировой войны (вдумайтесь!), в золотую пору бабьего лета, появился на свет в большой семье самородок, будущий поэт от Бога и родной земли – Виктор Боков. Его дом, который ещё при жизни Виктора Фёдоровича стал Домом-музеем, стоит на берегу речушки Гордынь. Но сын крестьянина без всякой гордыни, по-свойски заходил в любую избу:

*Пойду на посиделки к девушкам,
Едва-едва открою дверь,
Никто не скажет:
— Здравствуй, дедушка!
Все встанут, крикнут:
— Здравствуй, Лель!*

Для того чтобы по праву называться сказочным Лелем, надо обладать особым песенным даром, который фольклористы объясняют так: поющий поёт о себе, а слушающий – о себе же слушает. Но этой слиянности и душевной отзывчивости достигают редкие избранники.

* * *

В тёплом августе 1974 года, ровно 40 лет назад, я поставил палатку на восточном, ненаселённом берегу валдайского озера Велье – простор плёса и безлюдье. Жену с сыном перевёз на лодке в Пабережье, куда приходит автобус из Валдая, и проводил в Москву. Догрёл до своей стоянки, проверил снасти, и как-то грустно стало. Сел на огромный пенёк у кострища, достал блокнот с записями и вспомнил, что в сентябре – юбилейный вечер Виктора Бокова в ЦДЛ. На одном дыхании написалось стихотворение:

*Шестьдесят...
А за плечами —
И разруха, и война,
И такое, брат, что нами
Не испытано сполна.*

*А смотри: в сужденьях резок
И не просится в запас.
Золотое слово — предок —
Про такого в самый раз.*

*Я смотрю, и сердце радо
За него и за себя.
Жить да жить ещё мне надо
До такого сентября.*

*Значит, сколько же осталось
Песен, схваток и дорог,
Если он покуда старость
Не пускает на порог.*

*Но при всём при оптимизме
Понимаю всё равно,
Что такое чувство жизни
С боем взято — не дано.*

В сентябре пришёл в ЦДЛ на вечер всего-то 60-летнего, молодого и неуёмного Виктора Бокова, который был в расцвете сил, в зените славы: уже были созданы многие песни, ушедшие в народ, книга выходила за книгой, записные пародисты не уставали обыгрывать самоцветные строки. На сцене был как никогда огромный президиум, все поэты и артисты рвались выступить. Помню, что дольше всех говорил и читал Евгений Евтушенко, который эгоистично никогда не умел понять, что вечер — не его, не авторский. Мог, например, на вечере в честь очередного выхода “Дня поэзии”, на котором многочисленные поэты читали по одному стихотворению, закатать поэму на полчаса. Вечер шёл часа четыре, в конце вышел Виктор Фёдорович и сказал: “Сегодня звучало много моих стихов, песен, добрых слов в мой адрес. Я спою только одну великую песню”. И проголосно запел в притихший зал: “Не шуми, мати зелёная дубравушка”. Это стало для меня потрясением и уроком: не обязательно долго мучить зал стихами или даже понимать песнями: ты соберись, выдай такое, чтобы зал замер и запомнил! Я прочитал тогда “от молодых” стихотворение, написанное на Валдае, на пеньке возле палатки.

Виктору Фёдоровичу стихи понравились: “Ты понял мою суть. Читай их всегда на совместных выступлениях, только цифру убери, сделай просто в начале: “Он поёт, а за плечами...”. Понял?”. Я так и сделал.

В 1976 году он написал в квартире возле метро “Аэропорт” предисловие к моей книге “Дань”, в следующем году она вышла в издательстве “Современник”, и по ней я был единогласно (что было тогда редкостью в многослойной приёмной комиссии) принят в Союз писателей. Боковское благословение...

* * *

Через десятилетия знакомства и совместной работы в редколлегии “Литературной России”, после сотни совместных дорог и выступлений, праздничных застолий и будничных общений хочу вспомнить, когда я впервые увидел Бокова вживую. Это было в самолёте Москва — Краснодар. В 1972 году я выступил с большим успехом на вечере студентов Литературного института в ЦДЛ, вышел с гитарой, напел свои стихи на бис. Через несколько дней позвонил легендарный директор Бюро пропаганды советской литературы Дмитрий Ефимович Ляшкевич и пригласил меня во флигель Союза писателей СССР. Сказал, что ему рекомендовали взять меня участником Дней литературы на Кубани. В самолёте со мной рядом сидела Лариса Васильева с голубой лентой в пышных волосах. Она по праву более старшей, но тоже молодой поэтессы, если сравнить с зубрами литературы, стала тихо рассказывать грудным голосом, кто есть кто: вот Вадим Кожевников с дочкой, вот директор Литфонда кабардинец Алим Кешоков. “Ну, а этого удивительного человека ты должен знать — гениальный Виктор Боков!” Он сидел близко от нас, рядом с молоденькой девушкой, что-то ей говорил. Прислушался: “Так Вы студентка? Замечательно! А я пасечник с Алтая, вот лечу на Кубань изучать, как чув-

ствуют себя наши пчёлы в условиях юга”. Девушка смотрела недоверчиво: не узнавала, но чувствовала подвох, угадывала творческую личность. Так с безобидного розыгрыша, с неожиданного зигзага боковской фантазии началось моё знакомство с поэтом.

Кстати, Лариса Васильева стала председателем комиссии по творческому наследию Виктора Бокова, ответственный секретарь – вдова его Алевтина Ивановна.

* * *

В каждой поездке Боков был неистощим на выдумки и жаден до людей, до новых знакомств. Летом прилетели на Дни литературы в Тюменскую область, выступали в Тобольском кремле перед огромным количеством людей, стоявших на ногах часа четыре! Потом поплыли от Тобольска по Оби в молодые города нефтяников – Нефтеюганск, Сургут. Боков глядел на разлив коричневатой воды до горизонта и озорно восклицал: “Люблю, Обь, твою муть!” Каламбурил постоянно:

*Лагунов объявил: “Сургут!”
Я ответил ему: “Зер гут!”*

Константин Лагунов, возглавлявший Тюменскую писательскую организацию, рассказывал нам, как вся страна, её лучшие геологи, нефтяники, строители осваивали, покоряли эти нефтеносные болота, которые тогда служили всему народу, а сегодня – избранным олигархам. Помню, на одном из выступлений Боков припозднился войти в зал: оказывается, он, заядлый садовод, увидел, как у ДК кто-то продавал яблоки – зелёные, неказистые. Виктор Фёдорович вошёл в зал с большим газетным кульком, шёл по центральному проходу и раздавал женщинам яблоки, приговаривая: “Какие есть – не юг ведь...” Потом мы читали стихи, а к выступлению Бокова в зале появилась немолодая женщина в фиолетовом забрызганном дождевике и с огромным букетом полевых цветов. Она добиралась в городок на попутках из дальнего села, чтобы увидеть автора любимых песен. Вот истинная народность поэта – и в поэтике, и в содержании, и в сердцебиении...

* * *

Отец его Фёдор Сергеевич вышел на пенсию и сам попробовал писать стихи, заражённый первыми успехами сына. Вот одно из его творений:

*Сел под липой пенсионер —
Всем трудящимся пример.*

Спросил у Виктора: “Ну как?”

– Неплохо. Только развить надо.

– А чего тут развивать? Коротко, но ясно.

А и вправду: нечего развивать. Сегодня эти строки злободневно звучат в стране, где столько бездельников и нахлебников!

Отец будущего поэта вместе со многими крестьянами из Язвиц и других сёл и деревень Выпуковской округи участвовал в строительстве военного завода. Построили его меньше чем за год – шла Первая мировая война, русской армии крайне нужны были боеприпасы. В том же 1915 году, когда Вите был всего годик, сгорел дедовский дом. И тогда отец на том же самом месте поставил новый, в котором и вырос Виктор Боков.

В так называемом нижнем посёлке строителей военного завода находилась и школа 1-й ступени, куда пошёл учиться Виктор Боков. Затем были семилетка в Загорске, педтехникум, занятия в литкружке, среди руководителей которого был и писатель Михаил Пришвин. В 1930 году в газете “Вперёд” было опубликовано первое стихотворение Виктора Бокова “Письмо к отцу”. В 1934 году по рекомендации Михаила Пришвина, жившего тогда уже в Загорске, Боков поступил в только что открытый Литинститут. Вскоре юный студент был арестован по клеветническому доносу. Таким было начало пути к всенародной любви и всесоюзной известности...

Мы были с Боковым на Пушкинском празднике поэзии “Золотое Тверское кольцо” в старинном Торжке, который ещё драматург Островский назвал красивейшим городом губернии, на шумной, заполненной песнями центральной площади мне сказал кто-то из местного партийного начальства – ну, знаете, в праздничном порыве бахвальства и беспечности: “Если частушки, как Виктор Фёдорович, собираете, то надо в село Будово ехать, там такие певуны, и даже напев свой! Приглашаем...” Я по стекольной трезвости хорошо это запомнил: дело-то было в середине 80-х, в разгар антиалкогольной компании – хозяева смущались, но даже под уху не подносили.

Боков сказал: “Я не смогу, а ты – поезжай”. Через месяц подхватился, тронулся в Торжок, пришёл в райисполком: “Ну, выполняйте обещание – везите в Будово, куда за частушкой приглашали”. Удивил начальников над культурой страшно: мало ли что, мол, на празднике – пусть и стрезва – говорится... Однако, повздыхав, выделили сопровождающую методистку Екатерину Кротову и машину. Но поехали мы сначала в село Яковлево и в расположенный по соседству рабочий посёлок Славный с Домом культуры, где по относительной многолюдности был, наверное, самый лучший коллектив художественной самодеятельности. С молодыми участниками даже! Но я-то искал не приемлемую самодеятельность, а талантливых носителей памяти народной, торжокскую самобытность, так сказать. И повели меня тогда домой к Миронихе – Александре Ивановне Мироновой – “Она у нас всех смешнее выступает!”

Худошавая женщина с несходящим, видать, загаром и улыбкой, обнажающей крупные зубы, заговорила грудным хрипловатым голосом: “Не-е, всё – покончила с самодеятельностью. Даже платье недавно отдала. С нас хватит! Старшей внучке говорю: моё-то дело на исход идёт, запиши хоть шутки-прибаутки мои, частушки, песни переделанные. Я-то, бывало, выйду, всё знаю, где мне подшутить, где посерьёзничать, где промолчать. До пяти раз на концертах вызывали. Так ведь некогда молодым да голоногим... Раньше у нас как было? – с придумками. Председатель тему даст – враз обыграем, на ходу всё сложим. “Живгазета” называлась...”

Тут я вздрогнул от образного названия – “Живая газета” – и вспомнил рассказ Виктора Бокова. Итак, в самобытном льняном да златошвейном Торжокском районе была “Живгазета”, а в некоторых краях молодой по духу, обновлённой страны даже деревенские жители выпускали “Светгазету” – то есть световую, высвечивающую все недостатки. Об этом написал Боков в давнишней книжке прозы “За рекой Истермой”. Выдающийся поэт-песельник жила в разных краях Подмосковья, в том числе и на 101-м километре после сибирских лагерей.

Вот приехал поэт в село на выходные, идёт по селу, сочиняет шуточные стишки со школьницами. *“Девочки остаются в проулке дома. По деревне идёт Иван Архипович Омельчук. Издалека кричит:*

– Фёдорович! Привет.

Он заведует избой-читальней. Спрашиваю:

– Когда кино?

– Послезавтра.

– “Светгазету” сделаем?

– Нет.

– Почему?

– Установок района: в праздничные дни показывать одни достижения”.

Это читаешь сегодня с печальной улыбкой – “одни достижения”, но и с завистью, с пониманием того, что живого, меткого слова, критики снизу, народного мнения – боялись! Помните поговорку? “За ушко да на солнышко” – на безжалостный свет... А теперь – ни достижений, особенно на селе, не видать, ни живинки во взгляде и творчестве. Да и критика никого не пугает, хоть за что на солнышко тащи: мнение народа или признанного поэта не пробуждает совесть в тех, кто возымел власть над людьми. Но через много лет Боков снова храбрился на даче: “В этой новой книге я многим жару даю, президент Путин одобрил бы...” Вечная наивность глубоко русского таланта.

* * *

Виктор Фёдорович звонит мне с утра и спрашивает вдруг: “Третьим будешь?” Я недоумеваю и не знаю, что ответить. Он смеётся: “Позвонили из ЦДРИ, попросили провести вечер “Поэты трёх поколений”. Ну, старшее поколение – это я, второе – среднее – будет представлять Володя Костров, а ты – третье, молодое”. Смеюсь в ответ. Однажды Виктор Фёдорович позвонил, как всегда, рано и говорит: “У меня отличное настроение!” – “Отчего?” – “Оттого, что я вижу сны на уровне Петрарки!”

*Его звонок всегда таил подарки,
При всяком положении светил.
— Я вижу сны на уровне Петрарки. —
Однажды Боков в трубку пошутил.*

*А я хочу, как ни было б сурово,
Так сохраниться до конца пути,
Чтоб видеть сны на уровне Толстого,
Ну, может быть, Владимира Кострова,
Но только уж не Дмитрия Пригова
Иль Губермана, Господи прости...*

* * *

Виктор Боков всегда являл собой пример для нас, более молодых, образец отношения к поэзии, песне, женщине. К жизни! Помню, мы приехали выступать в Ленинград, прибыли ранним утром в гостиницу, а там – вечная пересменка. Час сидим в вестибюле, второй. Татьяна Реброва нервно закурила и вскричала: “Сколько можно тут сидеть!” На что Боков вкрадчиво сказал: “Танюша, всё равно здесь сидеть лучше, чем в тюрьме”. И залиvisto засмеялся, будто не прошёл тюрьму и Сиблаг. И сразу усталость и напряжённость – как рукой сняло.

Ко мне в Переделкино приехал из Киева друг. Мы решили пожарить шашлык за рядом деревьев прямо напротив ворот Дома творчества. Идём по аллее с красивой теледикторшей Наташей Андреевой, навстречу – Боков. “Виктор Фёдорович, пойдёте с нами!” – “С удовольствием”, – отвечает. Выпили по глотку горилки на грецких орехах, стали есть шашлык. Боков засмеялся:

– Как прекрасна и неожиданна жизнь: шёл позвонить, а попал на пир с Сашкой, да ещё с такой женщиной!

Мы все, его ученики, младшие друзья, учились у него этому вечному восторгу и вкусу жизни, выстраданному оптимизму и святому отношению к поэзии, разлитой в самом воздухе Русской равнины. Этот неиссякаемый источник бил в нём с юности, потому и получил он признание и простых слушателей вроде бесхитростных песен, и самых взыскательных читателей:

*Меня признали Пастернак и Пришвин,
Андрей Платонов, а ещё — народ.
Под веткой наклонённой старой вишни
Ко мне стучится слава у ворот.*

Бывало, идёшь от станции Переделкино в сентябрьских сумерках, видишь с моста через загубленную речку Сетунь, как светится окно боковского дома, слышишь лёгкий стук заслуженной славы у его ворот в Писательском проезде, и, даже если не заглянешь на огонёк, на чай приветливой Алевтины Ивановны, на сердце становилось теплей от ощущения близости родного, искреннего поэта.

* * *

После торжественного вечера во Дворце культуры имени Гагарина в Сергиевом Посаде, на банкете в честь 90-летнего юбиляра я спел частушку:

*Где течёт река Кунья?
Ведь не знал я ни... чего.
Ныне радую друзей:
Там, где Боковский музей.*

Этот музей мне довелось открывать, снимать для телеканалов “Московия” и “Мир”; это был замечательный подарок поэту от земляков. Боков в своих органичных и мелодичных стихах, песнях, частушках – сама народная стихия. Но стихийный талант он огранил глубоким изучением фольклора, той же частушки. В Пушкинском доме хранятся письма Бокова песельнику с Ладоги – Александру Прокофьеву, который при меньшем, я считаю, таланте стал и лауреатом Ленинской премии, и Героем Социалистического Труда. Вот что пишет Боков старшему собрату: “Я уже просмотрел и повертел с боку на бок до 15000 частушек... А вообще о частушке надо писать целую книгу открытий эстетическо-художественного порядка. Я такие вещи встречаю, что меня пот прошибает. Буквально гениальные произведения лирической поэзии, например:

*Лягу грудью на ограду,
Позову свою отраду,
Серый камень отвалю,
Встать на ноженьки велю!*

Саша, плакать хочется от восторга, что это создано простой девкой; гордишься за народ...

Ведь вот интересно, читаешь тысячу, другую, все повторяется, варьируется, сам знаю тысячи и вдруг вот сегодня подцепил книжечку “Частушки Переславль-Залесского уезда”, изд. управлением железных дорог (!) в 1921 г<оду>, и в этой книжечке вдруг нахожу жемчужину:

*Капуста, капуста,
Капустница,
Подыметя, подыметя,
Опустится.
(Плясовая)*

Так просто!.. Вот ведь рядом лежали эти слова, а не сделал же, не выдумал этой диковины, этой чудесной, полной такта, юмора погудки, с намёком, не оскорбляющим слуха, что всегда испытываешь от сюсюкающей эротики”.

Ныне интернет забит матерными куплетами, а не виртуозными частушками. Грань между солёным словцом и грязным ругательством, здоровой эротикой и пошлой порнографией всегда тонко чувствует истинный талант.

* * *

Мне посчастливилось очень много выступать вместе с Виктором Боковым от красных уголков на ферме в Ивановской области или завода шарикоподшипников в Вологде до Малой арены Лужников и парадного зала им. Чайковского, ездить с ним по стране, делить ночлег в двухместных номерах. В Ленинграде он даже написал стихи, посвящённые мне спящему, где была строчка: “И, согрешив, поэт, как ангел, спит”. Вот два памятных эпизода.

Выступаем на военном корабле одного из наших краснознаменных флотов. Кто-то из присутствующих в слух вспоминает эпиграмму, в которой говорится, что “в стихах у Бокова – ничего глубокого”. “Ладно, – суровеет лицом поэт. – Балалайка найдётся?” Начинает читать самое сокровенное, самое ударное, самое пронимающее до глубин души. Аудитория сидит не дыша. Потом, взвинченный вниманием, берёт балалайку и начинает:

*Эх, раз, что ли,
Ехали матросы.
Всех зовут Иванами,
Все курят папиросы.*

И пошло-поехало! Частушки сыплются, как из рога изобилия. Аудитория накаляется, чуть ли в пляс не рвётся. Двое с края вскочили, подхлопывая. Длинная скамейка – типа “козел” – резко накренилась, и соседи посыпались с грохотом на пол. Смех, аплодисменты.

– Вот так вот! – ничего глубокого, – удовлетворённо произнёс раскрасневшийся Боков.

Однажды сидим в Вологде в номере обкомовской гостиницы, за окном трескучий мороз, идти никуда не хочется. Перебрасываемся лениво фразами. Скучно. И вдруг Боков вспоминает: “Я ведь из этого города однажды письмо от школьника получил. Он пишет: “Я хочу, как и Вы, заниматься фольклором”. Хорошее слово придумал! – Фольклор. . .”

И сразу скуку как рукой сняло. Но во времена попсы и гламура фольклор, народная песня плохо кормят.

* * *

Всё в стихах Бокова – по-нашему и по-молодому звонко. Можно цитировать до бесконечности, но я хочу остановить внимание читателей лишь на одном феномене: на жизнелюбии и естественном патриотизме Бокова. Ведь этому балагуру, балалаечнику, шутнику пришлось хлебнуть лиха – через край. Но ни лагеря, ни семейные передряги не очерствили его певчую душу, хотя и научили мужеству. Согласитесь, ведь это не простой шаг – написать такое “Письмо в Нью-Йорк”:

*Оставил ты свои берёзы
И кроны трепетных осин.
Американские морозы
Тебе не нравятся, мой сын.*

*Твоя душа теперь во мраке,
В объятиях чужой зимы,
А я бы предпочёл бараки
И дальний холод Колымы.*

Он не считает свою молодость загубленной несправедливостью сталинских лет – он её продолжал и в нынешние, как он считал, самые трудные годы России.

* * *

Вспоминаю, как в газете, претендовавшей стать рупором созданных тогда федеральных округов, меня начали охотно печатать, но к 80-летнему юбилею народного любимца Виктора Бокова я написал статью, в которой поражаюсь не только образной свежести и неиссякаемой энергии мастера, но и тому, как напряжённо он осмысливает историю и современность, как диалектически осмысливает их. Вот неожиданные стихи о Сталине:

*Сталинский след с Мавзолея не смывает
Ни дождями, ни градом снарядным...
Он с рукой зашинельной стоит
И незыблемым, и громадным.*

*Что теперь со мной — не пойму:
От ненависти перешёл я к лояльности.
Тянет и тянет меня к нему,
К его кавказской национальности!*

Сократи журналист, готовивший материал в номер, просто это место в статье, я бы поругался, но стерпел: может, места не было, а может, спонсоры газеты думают по-другому, но молодой выпускающий номера вписал в текст моей статьи дурацкий абзац примитивного содержания: мол, просто

поэт Боков не знал про то, как ужасен был ГУЛАГ, сколько жизней унесла тоталитарная система. И, выходит, это говорю я, словно не помня, что мой учитель сам прошёл оговор, тюрьму и СибЛАГ, что он написал и опубликовал в годы гласности яростный цикл “Моё сибирское сидение”, в котором проклинал Сталина – “чёрта рябого”. Но времена менялись, Россия несла новые неисчислимы потери, появлялись культы куда более мелких личностей, и поэт поднялся выше личных обид, признался в сложных чувствах, выразив, по сути, народное мнение (ведь в проекте “Имя Россия” Сталин занял, несмотря на манипуляции, одно из первых мест, а, вернее всего, что и первое), но мне вписали: “поэт – не знал”. Такую статью, которую нельзя показать самому Бокову, профанацию текста терпеть было нельзя, и я направил главному редактору гневную отповедь с просьбой больше не беспокоить меня как автора. А платили неплохие гонорары.

* * *

У Виктора Бокова очень много стихов о зиме, о ярких и звонких праздниках в белом безмолвье, в книге избранных произведений целый раздел есть – “Снега России”. Когда я работал ещё в “Литературной России”, звоню ему, бывало: “Есть, Виктор Фёдорович, что-нибудь тепло-снежное, новогоднее?” “Диктую, только на днях написал”. Просто и не знаешь, что процитировать... Эти заметки-воспоминания мне хотелось бы закончить глубочайшими лирическими стихами, посвящёнными Алевтине Ивановне – музе и первому читателю Бокова:

*Нега белого снега,
Тихих январских полей.
Нежное прикосновенье
Рученьки белой твоей.*

*Саночками скатились
Пальцы твои по плечу.
Мне они объяснились,
Понял я и молчу...*

Дай Бог каждому человеку такой нежности и понимания близких!

* * *

В заключение хочется сказать о трёх составляющих таланта Бокова, которые и сделали его стихи истинно народными. Вот как он сам писал в книге “Три травы”:

*Как одна трава — терпенье,
А вторая — доброта,
Третья — музыка и пенье
И земная красота.*

Первая трава – терпенье в сельском трудном быту, в учёбе у заводских рабочих и волшебника слова – первого наставника поэта Михаила Пришвина, – в несправедливой доле лагерного сидельца, но и в сбережении памяти о тех, кто одарил его россыпями родной речи. “Первым моим учителем была мать Софья Алексеевна, крестьянка. Она обладала природным даром художественного слова. Что бы она ни делала, всегда говорила поэтически красиво и образно. Вот одна из моих сестёр жалуется ей на трудности, а она с улыбкой: “Вот чем удивила! Я вон вас, шестерых детей, вырастила... Я была мать, и ты теперь мать, так шей в тот же шов”. В тот же шов, что и мать, и великие предшественники, шил и сам Боков. Кстати, его песня “Оренбургский платок” – молитва о матери.

Он не просто усвоил уроки словотворчества на дорогах России, но и сам обогатил наш фольклор. Стихотворение, которое Боков написал в Чистополе в 1942 году – “Загорода”, – напоминало ритм молотьябы:

*По твоим задачам
Проходить не дам
Ни ведьме, ни лешему,
Ни конному, ни пешему.*

Услышав эти стихи, Борис Пастернак заметил: “Это у вас от природы. Цветаева шла к такой форме от рассудка, а у вас — само собой вылилось”.

Лучший комплимент для лирика — само вылилось! Боков рассказывал, что когда работал в Доме народного творчества, много ездил, собирал песни и частушки, но, конечно, сочинял и свои, внедрял их незаметно, просто писал припевки для знаменитых народных хоров — Рязанского, Омского, Северного. Делился радостью, что потом многие свои частушки слышал со сцены и в быту.

Вторая трава — природная и благоприобретённая доброта, светлое отношение к людям. Потому и называется одна из песен так требовательно: “Учись людей любить!” Сам он щедро посвящал стихи и песни дорогим сердцу людям — от любимой Алевтины до гениального Сергея Королёва и родственного по душе другого великого песельника XX века — Алексея Фатьянова.

*Не потому ли в сердце песня
Жила, как в гнёздышке своём.
У нас сегодня день воскресный,
Давай Фатьянова споём!*

Надо заметить, что Оргкомитет Фатьяновского праздника поэзии и песни одному из первых вручил Бокову в Вязниках премию “Соловьи, соловьи...” А вот Государственной премии России её певец и любимец народа так и не дождался.

Третья трава — это земная красота, явленная нам в слове, а в конце пути, когда ушли из жизни лучшие его соавторы — Григорий Пономаренко, Александр Аверкин, Николай Кутузов, — и в музыке. Он сам начал сочинять музыку к своим стихам, и снова рождались образные песни вроде раздольной: “На заре, на зорюшке”.

По иронии судьбы литературовед Ольга Фрейденберг — двоюродная сестра Бориса Пастернака, который так ценил стихи Виктора Бокова, особенно за их органичную связь с русским фольклором, в ходе дискуссии о фольклоре в Ленинграде перед войной выступила довольно агрессивно: “Мы не должны пассивно ждать изжития фольклора, а приложить все методы борьбы к его коренному уничтожению”. Но фольклор уничтожить невозможно: это исток любого народа, его песенной реки, которая сегодня мелеет мелодически и содержательно. Но творчество Виктора Бокова одаривает нас высокой надеждой:

*И всё устроится, дай Бог,
Среди теченья неглубокого,
Пока живёт реки исток,
Пока поёт Россия Бокова!*

Мы отмечаем с песней и слезой 100-летний юбилей истинно народного поэта, который успел отметить на этой прекрасной и грешной земле своё 95-летие. Есть у него замечательное стихотворение с державинским названием “Снегирь”:

*Я люблю снегиря за подобье пожара,
За его откровенную красную грудь.
Мать-Россия, моя снеговая держава,
Ты смотри, снегиря своего не забудь!*

Снеговая держава не забывает своего певца, который ушёл из жизни в октябрьский листопад 2009 года, похоронен в Переделкино, где жил в последние годы и вставал вместе с певчими птицами. Он продолжает свою “песню победну”, как писал старик Державин, благословивший Пушкина. А в нашем поэтическом поколении многих, в том числе и меня, благословил незабвенный Виктор Фёдорович.